

Знаете, что я думаю? Думаю, маленьким девочкам не стоит ходить (а также ездить, летать и плавать) в гости к придуманным дядям. Во-все не потому, что это может плохо кончиться. Не все дяди одинаково опасны!

Хотя Они говорят – ужас как «опасны». Они вообще много чего говорят. Говорят принимать таблетки, говорят, что Им хочется, чтобы я поскорее выздоровела (а разве я чем-то больна?!). Говорят, что мне нужно, просто необходимо написать про свое детство и про этого дядю в дневнике (а потом Они прочитают и скажут, что я это все придумала).

Так вот, маленьким девочкам не стоит ходить в гости к придуманным дядям хотя бы потому, что потом их (девочек, а не дядей, конечно!) заставят вести дурацкий дневник. А это печально, особенно если не умеешь писать.

Ничего. Я быстро научилась.

Когда-нибудь у меня хватит смелости рассказать о том, что придуманный дядя (а его звали Эдуард) и его золотая рыбка (я пока ещё не придумала ей имя) хотели бы сохранить в тайне.

Но лучше начать сначала. Семнадцатого ноября (а это был я-пока-не-знаю-чей День Рождения) я придумала себе котенка, он меня поцарапал, а потом убежал. Когда я пришла домой за лентой – хотела за-лен-то-вать (это слово я тоже придумала) царапину, Они спросили меня, откуда взялась кровь на моей руке. Я Им все рассказала, Они, как всегда, не поверили...

Помню еще, как придумывала человечков из желтой и на редкость невкусной каши. Одинаковых не было (точно!), но они так походили друг на друга – только я могла различать их и запоминать все имена, фамилии, звания...

Если человечкам становилось скучно, они собирались вместе и устраивали войну. Когда война заканчивалась, считали убитых и раненых.

Раненых лечили, а убитых сбрасывали обратно в тарелку.

Но я не хотела, чтобы отважные воины становились кашей, придумывала новых человечков, злилась, когда они опять устраивали войну...

Когда Они приходили посмотреть, съела ли я кашу, человечки прятались – кто куда. Самые маленькие залезали в карман моего передника. Целая армия пряталась за горшком, в котором медленно умирал фикус. Некоторые не успевали добежать до укрытия и рассыпались на мягкие комочки каши прямо на полу.

В общем, когда Они приходили посмотреть, покушала ли я, вся кухня была в каше.

Надо ли говорить, что каждый раз меня ругали и заставляли убираться?

Когда я была маленькой, я ненавидела детей из обычного (настоящего, поэтому неинтересного) дома, который всегда торчал где-то поблизости, улыбаясь во все тридцать два балкона (не знаю, почему их было, например, не сорок?). Дети ходили в школу с разноцветными портфелями. На портфелях были рисунки. Мальчики предпочитали машинкам футболистов, девочки – цветочки бабочкам, а я...

У меня не было портфеля, и я ненавидела их всех.

Придумывала, как девочки станут проститутками и им придется постоянно снижать цены ввиду отсутствия спроса, а мальчики, которые вроде и должны создавать спрос, будут тратить деньги родственников и друзей на «сиги», «яжку» и «пивас», при этом ещё умудряясь оставаться в долгу у наркокурьеров.

Потом поняла, что морального удовлетворения от созерцания будущих проституток и наркоманов не получу.

Но мне было очень скучно, и тогда я решила придумать дядю Эдуарда. Я плохо запоминаю имена, поэтому мне пришлось звать дядю Эдиком-Медведиком, что его жутко злило. Поэтому Эдик-Медведик вскоре превратился в величественного Эдуарда-Леопарда.

Когда Эдуард понял, что на детской площадке среди «этих отбросов» нам делать нечего, он как настоящий джентльмен пригласил меня выпить чашечку кофе у него в гостях.

А вот о том, что произошло дальше, никто никогда не узнает, потому что «свидетели и участники заинтересованы в неразглашении...» и так далее.

Зато я могу рассказать, как добиралась оттуда домой. Пока мы пили кофе, выяснилось, что Эдуард живет в городе, у которого есть куча заводских труб, торчащих во все стороны, как иголки ёжика, но нет названия. И это место жутко далеко от моей кровати.

Я придумала дорогу.

Встала у обочины, подняла вверх согнутый, как крючок, палец и стала ловить машину.

Тогда я выглядела странно – пышное розовое платье, подаренное Эдуардом, оставалось розовым только выше пояса, а ниже оно было в грязи, перьях, машинном масле и вообще неизвестно в чём. Наверное, это вызывало жалость. Или отвращение.

Сразу же рядом остановился большой грузовик. Дверь открылась, и оттуда выглянул бородатый мужчина. У меня в кармане было слово,

и слово было «Авынедовезетеменядодома?» Я показала это слово мужчине, и он разрешил мне залезть в кабину. Мы поехали, всю дорогу водитель пытался узнать, куда конкретно меня везти.

Я стеснялась рассказать ему, где я живу, но надеялась, что куда-нибудь он непременно меня привезёт. Мы остановились у большого белого здания. Оно мне понравилось, и я обрадовалась, что буду здесь жить.

Теперь у меня есть своя маленькая комната с мягкими стенами и кровать без матраса.

И больше ничего нет.

Здорово, правда?

Постоянно забываю что-нибудь важное! Забыла рассказать, кто Они на самом деле!

Их трое. Я не знаю, есть ли у них имена, поэтому придумала сама – Мокрая Швабра, Длинные Брюки и Белые Туфли. А ещё я не уверена, что Они существуют выше колен. Нет, это просто я боюсь поднимать глаза.

Когда приходит Мокрая Швабра, я сижу на своей кровати без матраса и рассматриваю пол. Пол очень красивый! На нём много разных пылинок, пятнышек, трещинок... Иногда в трещинке прячется какой-нибудь жучок или паучок.

Швабра просит меня поднять ноги, и я подчиняюсь. Через пару минут Она уходит, хлопая дверью, и я понимаю, что всё кончено.

Аккуратно опускаю ноги на мокрый пол. Как же он уродлив! Как отвратительно блестит!

Цокают по абсолютно стерильному полу Белые Туфли. Чаще всего их обладательница проходит мимо. Но Туфли все равно внушают страх. Длинные Брюки – врач. Противный!

Коротышка, но штанины не подворачивает. А может, специально покупает длинные.

Появляется именно тогда, когда мне меньше всего хочется его видеть, начинает задавать идиотские вопросы своим писклявым голосом, заставляя есть невкусные таблетки.

Точно! Все из-за него. Это он запретил мне придумывать.

До чего не люблю, когда мне что-то запрещают!

Врач Длинные Брюки виноват в том, что я:

1. Вместо невкусных таблеток придумала вкусные. Квадратные. Разноцветные. С экстрактом дельфина. (Врач, пытаюсь понять, откуда я беру вкусные таблетки, заглядывал под кровать, в карманы моего придуманного халата и туда... Туда, куда обычно посылают.)

2. Ела вкусные таблетки, а невкусными плевалась.

3. Придумывала птиц, а потом отпускала.

4. Прятала придуманных слонов под кроватью без матраса.

5. Написала записку: «патамушта Вы мне надаели».

6. Придумала дверь на потолке и ушла через неё.

За дверью была дорога. Мимо проносились автомобили. Я махала руками, плакала, кричала, что хочу домой, показывала неприличные знаки в зеркала заднего вида, корчила рожицы водителям, ругалась, хрипла, плевала в лобовые стекла – все зря. Никто так и не остановился.

Я была босиком. Ноги мёрзли, а придумать обувь не получалось.

Отчаявшись, бросилась под колеса. Грузовик закричал, зажмурил глаза (столкновения не последовало), осторожно посмотрел вокруг и с облегчением выдохнул, когда понял, что остановился в метре от меня.

Дверь открылась, приглашая войти.

Кто-то на небе улыбнулся и вынес приговор: «пожизненное приключение».

Вот так начались мои скитания.

От машины к машине, от человека к человеку.

Зачем-то пила пиво с дальнбойщиками в придорожных забегаловках.

Зачем-то начала принимать наркотики (тоже вкусные такие таблетки, но не придуманные).

Зачем-то платила поцелуями (и не только) за километры пути. А иногда просто так, бесплатно, целовала чьи-то (неважно) мокрые от пота, пахнущие куревом, липкие губы.

Зачем-то (может, за компанию?) ездила туда, куда совершенно не хотелось. А куда хотелось, не знала.

Так было до тех пор, пока красивый мальчик на новеньком блестящем автомобиле не пригласил замуж. Согласилась.

Ночевала дома. Готовила еду. Родила дочь.

Это было неинтересно.

Потом придумала чужого мужа. Это был человек, которому я не боялась смотреть в глаза. – Задумавшись, я замолчала.

– А дальше? – спросила маленькая зелёная девочка, моя дочь. Её чудесные глаза (они были зелёными, как и всё остальное) тоже не будили во мне того древнего страха, который испытывает животное, поймав человеческий взгляд.

А дальше...

Ночью мне не спалось, милая моя Зеленоглазая девочка. Я пошла на кухню заварить чай, а по дороге придумала чужого мужа.

Ему, наверное, тоже не хотелось спать.

Я спросила, как его зовут.

Оказалось, его жена была ленива настолько, что даже не придумала имени собственному супругу.

Чужой муж заплакал, и мне пришлось поить его горячим чаем, а потом вместе мы стали придумывать ему имя.

Я знаю много имен. И они все произносятся так, что во рту становится сладко. Но я знаю еще одно имя, и оно пахнет полынью. И это имя – Свет.

Свет.

Он наклонился, чтобы поцеловать меня, но тут я услышала чьи-то шаги.

За секунду до того, как на кухню вошел мой собственный муж, Свет исчез, и мы остались в полной темноте.

– С кем ты разговаривала? – спросил муж.

– Со Светом.

– Ненормальная, – он покрутил пальцем у виска и пошел спать.

Вот так закончилась эта сказка, Зеленоглазая.

Нет.

Во-первых, это не сказка. А во-вторых, ещё рано. Ещё не конец.

Видимо, я слишком ненормальная для того, чтобы мирно сидеть (а может, сесть) дома.

Я снова придумала дорогу.

Но теперь я точно знаю, куда я еду, зачем, почему, и – наизусть – ответы на тысячу похожих вопросов.

Куда: куда-нибудь.

Зачем: чтобы любить.

Почему: потому что кому-то обязательно нужно, чтобы его любили.

Мне теперь ничего не страшно.

Кого встречу – обнимаю.

Хожу босиком, в чудесно пахнущей рубашке огромного размера и восхитительно дырявых мужских трусах.

Я очень люблю людей, а дальнобойщиков и поэтов – особенно.

У меня всё хорошо.

Дневник больше не нужен, спасибо.

Сейчас я выброшу его в канаву с прекрасными репейниками и дивной грязью.

Но перед этим напишу одно слово.

Это слово и будет – «конец».